УДК 821.161.1+378.17+930+616-053.2+376.62
DOI: 10.56871/MHCO.2024.84.68.009

Преобразования Екатерины II в сфере социально-правовой, медицинской и педагогической помощи детям

© Галина Львовна Микиртичан, Анастасия Евгеньевна Никитина, Александра Львовна Селедцова, Роман Павлович Селедцов, Марина Сергеевна Ширшикова

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет. 194100, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2, Российская Федерация

Контактная информация: Галина Львовна Микиртичан — д.м.н., профессор, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики. E-mail: glm306@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0009-0007-7913-4325 SPIN: 3208-9066

Для цитирования: Микиртичан Г.Л., Никитина А.Е., Селедцова А.Л., Селедцов Р.П., Ширшикова М.С. Преобразования Екатерины II в сфере социально-правовой, медицинской и педагогической помощи детям. Медицина и организация здравоохранения. 2024;9(4):97–116. DOI: https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.84.68.009

Поступила: 24.10.2024 ***Одобрена: 27.11.2024*** ***Принята к печати: 27.12.2024***

РЕЗЮМЕ. Более двух столетий отделяет нас от царствования Екатерины II (1762–1796). В.О. Ключевский так охарактеризовал эти годы: Екатерина II «провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории». Ее личности и преобразованиям разных сторон жизни России посвящены многочисленные мемуары и научные исследования, в которых содержится и положительная, и отрицательная оценка ее деяний. В задачу нашей работы входил обзор тех существенных изменений в области общественного призрения и защиты прав несовершеннолетних, которые произошли при Екатерине II и были ею инициированы. Ее законотворческая и преобразовательная деятельность в этой сфере была очень активной, был принят ряд мер, направленных не только на то, чтобы сохранить жизнь детям, но и сделать их полезными гражданами Российской империи «способом воспитания и образования». В комплекс социально-правовой помощи вошли воспитательные и сиротские дома, родильные госпитали и больницы, акушерские школы, деятельность которых была сосредоточена на поддержке подкидышей, детей незаконнорожденных и лишенных родительского попечения, а также бедных родильниц; введено женское образование, организованы коммерческие училища, кадетские корпуса, училище при Академии художеств, школы и др. Создаваемые по указаниям Екатерины II различные учреждения для детей наделялись особыми правами и преимуществами и провозглашались государственными. Все нововведения Екатерины II в области государственного призрения, здоровья детей, их воспитания и образования сопровождались изданием законодательных актов и распоряжений, в большинстве своем подготовленных ее сподвижником И.И. Бецким, однако в них излагались инициативы и взгляды, высказанные ею и иногда дословно включенные в текст этих документов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатерина II, И.И. Бецкой, дети, призрение, образование, воспитание, забота о здоровье, правовая защита

Catherine II's transformations in the field of social, legal, medical and pedagogical assistance to children

© Galina L. Mikirtichan, Anastasia E. Nikitina, Alexandra L. Seledtsova, Roman P. Seledtsov, Marina S. Shirshikova

Saint Petersburg State Pediatric Medical University. 2 Lithuania, Saint Petersburg 194100 Russian Federation

Contact information: Galina L. Mikirtichan — Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of the Department of Humanities and Bioethics. E-mail: glm306@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0009-0007-7913-4325 SPIN: 3208-9066

For citation: Mikirtichan GL, Nikitina AE, Seledtsova AL, Seledtsov RP, Shirshikova MS. Catherine II's transformations in the field of social, legal, medical and pedagogical assistance to children. Medicine and Health Care Organization. 2024;9(4):97–116. (In Russian). DOI: https://doi.org/10.56871/MHCO.2024.84.68.009

Received: 24.10.2024 ***Revised: 27.11.2024*** ***Accepted: 27.12.2024***

ABSTRACT. More than two centuries separate us from the reign of Catherine II (1762–1796). V.O. Klyuchevsky characterized those years as follows: Catherine II "had a long and extraordinary reign, created an entire era in our history". Numerous memoirs and scientific studies are dedicated to her personality and the transformation of various aspects of Russian life, which contain both positive and negative assessments of her actions. The objective of our work included an overview of those significant changes in the field of public charity and protection of the rights of minors that occurred under Catherine II and were initiated by her. Her legislative and reform activities in this area were very active, a number of measures were taken aimed not only at preserving the lives of children, but also making them useful citizens of the Russian Empire "through upbringing and education". The social and legal assistance complex included educational and orphan homes, maternity hospitals and hospitals, obstetric schools, whose activities were focused on supporting foundlings, illegitimate children and children deprived of parental care, as well as poor mothers; female education was introduced, commercial schools, cadet corps, a school at the Academy of Arts, schools, etc. were organized. Various institutions for children created according to the instructions of Catherine II were endowed with special rights and advantages, and were proclaimed state. All of Catherine II's innovations in the area of state charity, children's health, their upbringing and education were accompanied by the publication of legislative acts and orders, mostly prepared by her associate I.I. Betskoy, but they set out the initiatives and views expressed by her and sometimes verbatim included in the text of these documents.

KEYWORDS: Catherine II, I.I. Betskoy, children, charity, education, upbringing, health care, legal protection

Обращаясь к истории социально-правовой защиты детства, невозможно не остановиться на событиях XVIII в., особенно связанных с именами Петра I (1672–1725) и Екатерины II (1724–1796). Их деяния нередко сравнивали, отмечали их преемственность. По словам российского историка Н.И. Павленко: «Петр I стоял у истоков превращения России в великую державу, Екатерина II утвердила за Россией репутацию великой державы. Петр Великий прорубил окно в Европу и создал Балтийский флот, Екатерина утвердилась на берегах Черного моря, создала мощный черноморский флот, присоединила Крым. Петр захолустную Русь, задворки Восточной Европы превратил в Российскую империю; Екатерина придала этой империи европейский блеск, расширила ее границы и укрепила ее могущество. Преемственность двух эпох можно проследить во множестве сфер жизни страны: градостроительстве, литературе, живописи, распространении просвещения, развитии науки, архитектуре. Различия состояли в методах реализации задуманного и масштабах результатов» [1]. Это полностью относится к проводимой ими социальной политике, в том числе по отношению к детям. В течение многих веков дети, оставшиеся без попечения родителей, родившиеся вне брака, нищенствующие входили в группу риска по отношению к их праву на жизнь. Существовало резкое отличие в правовом статусе ребенка, рожденного в браке и вне брака, понятие незаконнорожденности несло на себе печать позора.

Петр I, подчинив всю свою разностороннюю деятельность идее служения России, впервые распространил обязанность государства и на сферу призрения нуждающихся, в том числе на детей-сирот, незаконнорожденных, или «зазорных», как он их называл. Рост числа городов и развитие городской жизни способствовали увеличению незаконных рождений. Петр I считал целесообразным сохранять и защищать жизнь таких детей, прекратить детоубийство, облегчить участь незаконнорожденных, включая организацию госпиталей для «зазорных» и службы «кормилиц», создать условия для воспитания и обучения детей, сокращения нищенства. Реформы Петра I затронули институты семьи и брака, положения детей, изменили систему защиты и помощи бедным, больным, увечным, сиротам и другим категориям нуждающихся. Этому был посвящен ряд его указов 1712, 1714, 1715, 1719, 1723 и 1724 гг., предписывавших учреждение во всех губерниях госпиталей для незаконнорожденных младенцев, уход за которыми должны были осуществлять «старые женщины и вдовы, которым назначалось особое содержание, а для питания детей рекомендовалось приобрести коров» [2]. В своих взглядах и действиях в этом направлении Петр I опирался на опыт новгородского митрополита Иова, который с 1706 г. на свои вотчинные доходы содержал дом для «найденышков» и для «подметных младенцев, рёкшихся от беззаконных по насилию и нужде смешений» [3]. Петром I издавались указы, касающиеся специально призрения и обучения сирот, а также направленные против нищенства как массового явления, которое способствовало росту числа бездомных детей и детей, просящих подаяние. Подтверждением ведущей роли государства в создании системы защиты и помощи нуждающимся явился «Регламент или устав Главного магистрата» от 16 января 1721 г. № 3708 [4].

Скорость, прагматичность, жесткие методы осуществления реформ раскололи русское общество, не готовое к новому, в том числе к государственному регулированию призрения «сирых», поэтому выполнение указов Петра I сопровождалось большими трудностями. Принятые им меры, предполагающие устройство учреждений для кормления и воспитания незаконнорожденных, не поменяли ситуацию: почти все госпитали для детей были закрыты [5], правовое положение детей оставалось по-прежнему «неизменным и невыносимым» [6].

Надо признать, что и после царствования Петра I властями сознавалась потребность в призрении «незаконнорожденных и подкидышей». Так, члены комиссии о составлении Проекта нового уложения (свода законов) 1754 г. и следующих годов предлагали установить правило приносить незаконнорожденных в особые помещения, устроенные при богадельнях в обеих столицах, а также в губернских городах; где же богаделен нет — там намечалось построить госпитали; и по достижении отданным сюда младенцам мужеского пола шестилетнего возраста их следовало «записывать в гарнизонные школы, а в которых городах гарнизонов нет, то из таковых отсылать, куда будет способнее и давать им жалованье, как и прочим школьникам; что же касается младенцев женского полу, то их нужно было бы отдавать в дворцовые села и деревни крестьянам или на фабрики» [7]. Однако до Екатерины II дело призрения оставалось на уровне проектов, а незаконнорожденные дети находились в неопределенном и бесправном состоянии, «Империя оставалась почти без учреждений детского призрения» [8].

Время правления Екатерины II (1762–1796) определяется как Просвещенный абсолютизм.

Благодаря ей, одной из самых образованных женщин своего времени, российское общество более детально познакомилось с идеями эпохи Просвещения, оказавшими влияние на умственную жизнь Европы.

В это время больше внимания стали уделять детству и его защите как части общества, находящейся в наиболее уязвимом положении. Одним из самых обсуждаемых предметов у идеологов Просвещения был вопрос о воспитании. Проблемы нового рационального воспитания очень интересовали императрицу. Со многими из французских философов эпохи Просвещения она была лично знакома, знала их труды (Ф.-М.-А. Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье «О духе законов», тома «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбера, Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Й. Зонненфельса и др.) и поддерживала постоянную оживленную переписку. К некоторым из них она обращалась с важными вопросами, ища у них руководящих указаний для своей широкой правительственной деятельности. В 1762 г. вышло в свет сочинение Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», повлиявшее на взгляды европейских педагогов на философию воспитания и образования, поскольку в нем была представлена модель воспитания идеального гражданина, пусть и утопическая. У английского педагога и философа Дж. Локка (1632–1704) она читала, что девять десятых людей тем, что они представляют собою — добрых или злых, полезных или негодных, — обязаны воспитанию [9]. Нравственное воспитание было сердцевиной концепции Дж. Локка. Но еще важнее, по его мнению, воспитать сердце в добродетели. Верным педагогическим средством для этого может служить не обычный путь наказания, который причиняет лишь непоправимый вред, подавляя душевные силы и создавая «рабский характер», «слабоумное, жалкое существо», а воздействие на чрезвычайно чуткое в каждой детской душе чувство чести и стыда путем похвал и порицания, поскольку самые могущественные пружины для души — уважение и неуважение. Екатерина II также была убеждена, что самое надежное средство сделать людей лучше — это усовершенствование воспитания.

Государственная стратегия Екатерины II, проникнутая идеями и принципами Просвещения, нашла отражение в написанном ею лично «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» (1767), в основу которого были положены переосмысленные ею труды философов европейского Просвещения. Но у нее сформировались свои взгляды на проблемы законотворчества, действия верховной власти, народонаселения, благотворительности и социальной защиты, оказания помощи разным группам населения, особенно детям. В своем «Наказе» она посвятила воспитанию целую главу.

Единомышленником Екатерины II в области воспитания и образования был И.И. Бецкой (1704–1795). Прожив долгое время во Франции, он, конечно, был хорошо знаком и лично, и с произведениями выдающихся европейских авторитетов в области политики, воспитания и образования, а также с организацией учреждений для детей в разных странах. Под влиянием этих взглядов у него сложилась система воспитания, впоследствии изложенная им в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества». После вступления Екатерины II на престол И.И. Бецкой был сразу приближен ею и назначен ее домашним чтецом. Они с увлечением обсуждали все, что появлялось нового и интересного в философской литературе Запада. А это давало И.И. Бецкому, восприимчивому к популярным идеям своего времени, возможность высказывать перед императрицей свои взгляды и идеальные филантропические устремления, а также развивать мысли, высказываемые Екатериной II, и включать их во все документы по поводу обоснования открытия тех или иных учреждений. Так, например, в «Генеральном учреждении о воспитании юношества обоего пола» (1764) И.И. Бецкой замечал, «что он все меры употреблял, тщательно стараясь изобразить точно от слова до слова все данные ему изустно повеления и высокие мысли августейшей монархини». Иногда Екатерина сама просматривала проекты Бецкого и исправляла их; в одном из них, обращаясь к ней, сам Бецкой пишет, что его план «подвергся не только рассмотрения, но и самого поправления от священнейшая особы вашей» [10].

В разговорах с И.И. Бецким составительница «Наказа», по-видимому, делилась своими мысли о том, что Россия не имела до этого времени людей «третьего чина» или «среднего рода», который она считала представителем не только материальных богатств, но и культурных ценностей. К ним она причисляла главным образом всех тех, «кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, науках, мореплавании, торговле и ремеслах» (статья 380) [11]. И здесь Екатерина II также главную роль отводила воспитанию: в своем «Наказе» она утверждала, что «правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами» (статья 348) [11]. Не довольствуясь

теорией, императрица попыталась осуществить свои идеи на практике: путем нового идеального воспитания создать новое прекрасное поколение [12]. Эти размышления были созвучны с убеждениями И.И. Бецкого. Выработанные совместно с императрицей планы и руководящие принципы И.И. Бецкой по ее поручению изложил в своем «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества», которое 12 марта 1764 г. после утверждения Екатериной получило силу закона. В нем была четко обозначена цель государства — необходимость посредством воспитания «произвести» новую породу людей из представителей разных социальных групп или «новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям, и так следуя из родов в роды, в будущие веки» [13].

И.И. Бецкой в качестве сотрудника Екатерины II стал фактическим разработчиком и воплотителем ее замыслов. Теоретическое и практическое развитие его основных педагогических и воспитательных положений нашли отражение в таких документах, как «планы», «уставы», «учреждения», представляемые И.И. Бецким императрице на одобрение и утверждение. Результат такого сотрудничества довольно точно охарактеризовал российский историк А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1916): «Екатерина скоро отгадала ту область, в которой они могли бы найти практическое осуществление для себя. Чтение и обсуждение сочинений на педагогические темы естественно выдвигали вопрос о постановке общественного воспитания в России, о необходимости коренных реформ в нем; и вот здесь-то, среди горячих идеальных стремлений к насаждению возможно большего счастья в России, стремлении, которыми одинаково были проникнуты и молодая императрица, и уже почти старик, но с душою юноши, и возник грандиозный государственный план, похожий на поэтическую мечту: создать путем воспитания «новое порождение» — новых идеальных людей в России» [3]. «Новая порода» должна представлять собой людей, послушных власти, верных царю, способных принести пользу государству своими знаниями и профессиональным мастерством. Пополнять третий чин или сословие, в дополнение к двум имеющимся в российском государстве — дворянам и крестьянам (государственным и крепостным), предполагалось из городского населения. И.И. Бецкой и Екатерина II источником третьего сословия избрали детей-сирот, подкидышей, незаконнорожденных, нищих из всех групп населения. А реализовать эти замыслы было решено устройством различных воспитательных учреждений для детей обоего пола.

В утопической литературе и в социально-политических трактатах мыслителей Просвещения ясно присутствовала идея о том, что государство, а не родители, должно воспитывать будущих граждан в закрытых учебных заведениях. Екатерина II и И.И. Бецкой восприняли эту идею и вводили в России закрытые учебно-воспитательные учреждения. Известный публицист, экономист и статистик Е.Д. Максимов (1858–1927) так характеризовал этот выбор: «Государственная власть, приняв в свои руки общественное призрение в его практическом осуществлении, несомненно, должна была остановиться на таких формах призрения, которые были бы наиболее доступны для ее органов. Такими формами всегда и везде являлись закрытые благотворительные заведения, которые обычно предпочитаются государством открытому призрению. Выставив сплоченную съорганизованную силу государства, как проводника мер призрения, осуществлявшихся ранее частным и общественным почином, выставив эту силу в значительной мере в противовес частной и общественно-приходской благотворительности, система государственного призрения началась с отрицания последней и даже преследования ее» [8].

Из числа первых указов Екатерины II, свидетельствующих о начале реализации ее планов, был датированный 1 сентября 1763 г. «Манифест, с приложением Высочайше утвержденного проекта Генерал-поручика Бецкаго. — Об учреждении в Москве Воспитательного Дома, с особливым гошпиталем для неимущих родильниц» (№ 11908) [14]. Манифест начинался словами: «Объявляется всем и каждому. Призрение бедным и попечение о умножении полезных обществу жителей, суть две верховные должности и добродетели каждого Боголюбивого владетеля»[1] [14]. Этим важнейшим документом Воспитательный дом объявлялся государственным учреждением под особым «Монаршим покровительством и призрением», и наделялся особыми правами и преимуществами. Открытием Воспитательного дома создавалась возможность реально осуществить призрение детей «незаконнорожденных и подкидышей». Однако, согласно плану И.И. Бецкого,

[1] Это же Екатерина II декларирует в главе XII своего «Наказа»: «одна из верховных должностей и добродетелей каждого боголюбивого владетеля, состоит в умножении полезных обществу жителей».

Воспитательный дом устраивался не только для так называемых детей незаконных. Подчеркивалось, что любой младенец из любой группы населения, лишенный родительской заботы, мог быть принят и воспитан в доме. При приеме в Воспитательный дом вопрос о законном или незаконном рождении не выяснялся, в дом принимали всех детей, были ли они найденными или оставленными родителями по бедности, по болезни или другим причинам, препятствующим содержать и воспитывать своих детей. Таких детей И.И. Бецкой называл «несчастно-рожденными», понимая под этими словами вообще детей, по неизвестным причинам лишенных попечения со стороны своих родителей.

Воспитательный дом, прежде всего, представлялся Екатерине II и ее помощнику И.И. Бецкому как одно из главных средств формирования «новой породы людей» третьего чина. В «Генеральном плане Воспитательного дома для приносных детей и госпиталя для бедных родильниц в Москве» И.И. Бецкой так обосновывает его организацию: «В чужих государствах, третий чин народа, заведенный уже за несколько веков, продолжается из рода в род; но как здесь сей чин еще не находится, то мнится, в оном и нужда состоит»; в связи с этим «прямое намерение нового учреждения — произвести здесь людей способных служить отечеству делами рук своих в различных искусствах и ремеслах» [10]. Выполнить эту цель, по представлениям организаторов, можно было путем воспитания, если только начинать его от «самых нежных юности лет». Предполагалось также давать детям образование, трудовую и профессиональную подготовку. Отметим, во многих и других документах, касающихся воспитания детей, рефреном звучит цель: приобрести и воспитать «полезных членов общества».

В Указе № 11908 «Об учреждении Воспитательного дома» в главе VI «О привилегиях Воспитательного дома» четко устанавливалось, что все воспитанные здесь дети и их потомки «в вечные роды» останутся вольными.

Организация воспитательных домов была частью обширной программы Екатерины II по увеличению народонаселения. Большинство государств того времени, и российское в том числе, испытывали реальную потребность в трудоспособном и налогоспособном населении. Все выдающиеся европейские политические деятели, рассуждая на эту тему, склонялись к мысли, что всякое просвещенное правительство должно заботиться об увеличении числа жителей, о необходимости многочисленных рождений для обеспечения силы государства. В России такое мнение высказывали историк и государственный деятель В.Н. Татищев (1686–1750), гениальный ученый М.В. Ломоносов (1711–1765) и др.

Высокая смертность и недостаточная рождаемость в России хорошо осознавались Екатериной II. Глава XII Наказа так и называется «О размножении народа в государстве». Она полагала, что «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ниже обработаны. Итак, не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в государстве» (статья 265) [11]. Одной из составляющих этой проблемы была высокая детская смертность. Учреждение Воспитательного дома должно было, по мнению устроителей, предотвратить «бесчисленное множество убийств, которые как над произошедшими уже на свет, так и над заключенными еще в материнской утробе младенцами бесчеловечно предприемлются» [14], и таким образом способствовать умножению населения. В докладе императрице об открытии Воспитательного дома в 1763 г. И.И. Бецкой писал: «прискорбно, что Государство столь многими убийственными беззакониями отягощается» и «ежегодно числа подданных таким образом лишается, которые по надлежащем воспитании и по разным своим способностям могли б быть годными и полезными членами общества» [14]. И далее: «Чрез сие я разумею тех невинных детей, которых злосчастные, а иногда и бесчеловечные матери покидают, оставляют, (или что злее) и умерщвляют, которые хотя от законного супружества, но в крайней скудости родясь, от родителей оставлены и слепому счастью преданы бывают, для того, чтоб от тягости воспитания их освободиться, и самим удобнее пропитаться можно было» [14].

Из произведения Екатерины II «Мысли из особой тетради» видно, что положение с детской смертностью действительно ее очень волновало, она неоднократно возвращалась к этому вопросу, вот ее записи: «Пойдите в деревню, спросите у крестьянина, сколько у него было детей; он вам скажет (это обыкновенно): десять, двенадцать, часто даже до двадцати. А сколько в живых? Он ответит: один, два, четыре, редко четвертая часть; следовало бы поискать средства против такой смертности; посоветоваться с искусными врачами, более философами, чем заурядными в этом ремесле, и установить какое-нибудь общее правило, которое мало-помалу введут землевладельцы, так как я уверена, что главная причина этого зла — недостаток ухода

за очень маленькими детьми; они бегают нагие в рубашках по снегу и льду; очень крепок тот, кто выживает, но девятнадцать умирают, и какая потеря для государства!» [15]. В «Наказе» в статье 266 говорилось: «Мужики большою частию имеют по двенадцати, пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества; однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст. Чего для непременно должен тут быть какой-нибудь порок или в пище, или во образе их жизни, или в воспитании, который причиняет гибель сей надежде государства. Какое цветущее состояние было бы сея державы, если бы могли благоразумными учреждениями отвратить или предупредить сию пагубу!» [11]. От взгляда Екатерины не ускользнули и такие факты, как увеличение числа рожденных вне брака детей, жестокое наказание незамужних матерей, высокая смертность младенцев и рожениц. «Ее государственный ум и сердце женщины возмущались при выслушивании донесений о массе заморенных подкидышей и мертвых младенцев», которых находили повсюду: в огородах, лесах, прудах, реках, болотах, на улицах и площадях. «Все это знали, все это видели, все говорили об этом, одни с ужасом, другие с сожалением; многие думали, что надобно останавливать зло жестокими наказаниями» [16]. В отношении жестокости наказаний у Екатерины II и И.И. Бецкого было свое мнение. В «Наказе» Екатерина уделяет много места рассуждениям о наказаниях, проистекающих из принципов человеколюбия, справедливости, признания верховенства закона, она — принципиальный противник пыток и телесных наказаний. В статье 150 «Наказа» провозглашается ее позиция — закон не должен быть жесток. В статье 222: «Самое надежнейшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан» [11].

И.И. Бецкой в Предуведомлении, одной из пяти частей Генерального плана, помещает рассуждения о высокой смертности детей и признает: «Сомневаюсь, чтобы у нас кто делал прямое примечание, сколько таких младенцев умирает», которые не были вскормлены грудным молоком [14]. Он знает, что уже известно, что дети, не находящиеся на грудном вскармливании, «всегда больше половины» умирают. Он отвечает на бытующее мнение о том, что «Наш народ в стуже крепок, ... что в ребячестве больше в рубашках и без шапки на морозе долго бывают ... Не спорю, кто устоит, тот верно крепок; но сколь велико число тех, которые от того погибают, может быть никому примечать не удавалось». И далее обязуется: «Того ради при воспитательном сем доме употреблены будут наилучшие и надежнейшие к тому способы, ибо в оном состоит все главнейшее затруднение. ... Нет сомнения, чтобы Богом просвещенная Россия не усугубила своих стараний и попечений о толь нужном, полезном и богоугодном деле при таком благословенном своем состоянии, ... чтобы сохранить несчастных младенцев, безвинно погибающих, и воспитать их» [14].

По инициативе Екатерины II были осуществлены первые работы по изучению смертности детей. В 1763 г. историк, публицист и статистик А.Л. Шлецер (1735–1809) представил в Академию наук образцовые табели для составления метрических книг. Форма их была утверждена Екатериной II 11 февраля 1764 г. Она повелела в виде опыта собрать эти метрические данные по Санкт-Петербургу и препроводить в Академию наук для рассмотрения. Разработку этих данных осуществил академик Л.Ю. Крафт (1743–1814), который установил, что в период с 1764 по 1780 гг. в Санкт-Петербурге 1/4 новорожденных умирала, не достигнув 1 года [17]. Публикация статистических данных по России и зарубежным странам способствовала возрастанию интереса к проблеме смертности детей. В последние два десятилетия XVIII в. в России вышло несколько работ, авторами которых были врачи, философы, общественные деятели, педагоги. Помимо констатации высокой смертности грудных детей, в трудах рассматривались ее причины, освещались вопросы гигиены и вскармливания детей (И.И. Бецкой, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Ф. Уден, С.Г. Зыбелин, Н.М. Максимович-Амбодик, С. Ели, И.П. Франк, И.П. Каменский, Н.И. Нер и др.) [18].

В Манифесте создаваемый Воспитательный дом объявлялся государственным учреждением, однако к благотворительной деятельности в его пользу призывались состоятельные люди, движимые Евангельской любовью к ближнему и осознанием общей пользы. Это же подтверждается в докладе «Высочайше утвержденном 26 августа 1763 г. действительных тайных Советников князя Я.П. Шаховского, Н.И. Панина и графа Э. Миниха» [14]. Необходимо отметить, что сама императрица, ее сын Павел Петрович, И.И. Бецкой и его родственники были одними из постоянных жертвователей. Щедрым жертвователем был владелец горнопромышленных предприятий П.А. Демидов. На содержание Воспитательного дома направляли свои средства представители семей Голицыных, Строгановых, Нарышкиных и др. В благотворительности участвовали представители всех слоев

российского общества. Этим было обусловлено получение домом от государства ряда податных и судебных привилегий и право заниматься коммерческой деятельностью. Среди источников доходов также была продажа с аукционов имущества, отдаваемого из конторы конфискации, уголовных штрафов и др. С течением времени стало понятно, что только за счет пожертвований Воспитательный дом существовать не может. Это вызвало к жизни Высочайше утвержденное 20 ноября 1772 г. «Генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение Вдовьей, Ссудной и Сохранной казны, в пользу всего общества» [19]. Эти три казны положили начало государственной финансовой системе России.

Воспитательный дом имел своеобразный статус. Он рассматривался как самостоятельное ведомство, имел собственную юрисдикцию, освобождался от пошлин при заключении контрактов, мог самостоятельно покупать деревни, дома, земли, заводить фабрики, заводы, получать четвертую часть доходов с «публичных позорищ» (зрелищ) — театров, общественных балов и всякого рода игр на деньги. Среди различных статей дохода на содержание воспитательных домов одним из главных источников было сначала клеймение игральных карт, а потом клеймение и продажа их с собственной фабрики.

Руководил Воспитательным домом главный попечитель, до 1795 г. эту обязанность исполнял И.И. Бецкой. Руководящим органом Дома был созданный по указу Екатерины II Опекунский совет, состоящий из шести знатных лиц. Его главными задачами было привлечение попечителей, основной обязанностью которых было «собирание подаяний». Опекунский совет можно считать центральным государственным учреждением, своеобразной коллегией, развивавшей благотворительную инициативу на новых светских началах, а также руководившей благотворительной деятельностью подданных [20].

В 1764 г. Опекунский совет Воспитательного дома ходатайствовал об открытии детских приютов при женских монастырях и у частных лиц во всех епархиях для воспитания покинутых детей. В 1770 г. был открыт Воспитательный дом в Петербурге, сначала как отделение Московского, а затем как самостоятельный (1780).

Если в столицах дети все же имели возможность попасть в Воспитательный дом, то в провинции многие оставались без попечения. Это побудило правительство 21 декабря 1772 г. издать закон № 13930 «Сенатский с приложением объявления Опекунского совета Воспитательного дома. О воспитании оставленных родителями младенцев до пяти лет; о приносе оных в Воспитательный дом и о платеже за воспитание». Принят он был по причине выявления факта о приносимых в Осташкове к церквам и домам «оставляемых без призрения и безвинно погибающих несчастных младенцев», и «таковых гибели подверженных младенцев великое число остается без всякого призрения, а хотя несколько из них и возрастают, но и те шатаются по улицам и бесстыдно нищенствуют к великой тягости Обществу» [21].

Обсуждение этой ситуации побудило задуматься «каким бы образом народ отвратить от пагубного греха, в который по легкомыслию своему от застарелого суеверия и грубости впадает, а вместо того привести к милосердию и соболезнованию о невинных тех младенцах» [21]. Именно поэтому Опекунский совет решил опубликовать по всему государству во всех губерниях и провинциях печатные объявления, «дабы боголюбивые сограждане, хотя несколько о тех несчастных и невинных младенцах соболезновали и принимая воспитывали», причем с уверением их, что непременно за воспитание и привоз в Воспитательный дом получат умеренную плату. Так, обещалось, что за воспитание и привоз младенца сразу же будет выдана определенная сумма: «за двухлетнего 10, трех 18, за четырех 24, за пятилетнего 30 рублей за каждого». В законе подчеркивалось, что «Великое в свете человечеству благодеяние есть, спасение невинных от погибели, вящая же добродетель, отеческое снисхождение к младенцам несчастно рожденным от людей зверски отверженным». С целью широкого распространения этой информации Опекунским советом высказывалась «почтеннейшая» просьба: это объявление в церквях в воскресные и праздничные дни читать вслух; а священников просили «нравоучительными увещеваниями и наставлениями» возбуждать народ к милосердию и призрению младенцев, подавая самим пример «надзиранием и не оставлением оных, поелику силы их возмогут» [21].

Приют в Осташкове Тверской губернии был открыт в 1773 г. Кроме того, открывались небольшие приюты, призревающие детей, в основном на частные средства организаторов: губернатором Сиверсом в Новгороде, прокурором Бахметевым в Нижнем Новгороде, купцом Макаровым в Белозерске, а также разными лицами в Олонце, Юрьеве Польском, Тихвине, Вологде, близ Казани и других местностях [16, 22]. Из этих пристанищ младенцы препровож-

дались в столичные воспитательные дома для воспитания и обучения. Результаты этих забот и расходов, употребленных для сохранения и устроения жизни бесприютных детей, не всегда были успешными.

Еще одна новация — это предусмотренное Екатериной II и И.И. Бецким устройство при доме родильного госпиталя на 20 коек — первого в России стационарного учреждения такого типа, что отразилось в его наименовании — «Императорский Воспитательный дом для приносных детей и госпиталь для бедных родильниц в Москве». В третьей главе Генерального плана «О Госпитале для бедных родильниц», в разделе 1 описывались правила приема: «...всяких приходящих беременных женщин, для разрешения от бремени, приворотнику тотчас принимать, ни о чем не спрашивая, как днем, так и ночью, и тотчас же отводить в залу к повивальным бабкам» [23]. Это свидетельствует об анонимности приема и пребывания женщины в госпитале, у нее не спрашивали ни имени, ни положения, при желании она могла находиться в госпитале с закрытым лицом. В 1764 г. в родильном госпитале Московского воспитательного дома родилось 14 младенцев, а в 1770 г. уже 162 [24]. Родильный госпиталь при Петербургском воспитательном доме был открыт в 1771 г. При воспитательных домах проводилась подготовка акушерок — повивальных бабок. В Петербурге преподавание началось с 1784 г., в Москве — с 1801 г. Обучали в основном воспитанниц дома, но разрешалось и обучение посторонних.

Н.М. Максимович-Амбодик (1844–1812) — один из основоположников научного акушерства в России, автор первого отечественного руководства по акушерству «Искусство повивания или наука о бабичьем деле» (1784–1786) — посвятил свой труд императрице Екатерине Алексеевне. С ее именем он связал развитие различных направлений врачебной науки и повивального искусства в России. Обращаясь к ней, он отметил, что «сие искусство почти до начала царствования Вашего Императорского величества оставалось в России в крайнем пренебрежении, и было производимо на удачу, по одному слепому случаю, большею частию такими лицами, кои не имея об оном никакого познания, ни понятия, слепотствуя последовали одним закоснелым мнениям, по одному незнанию и суеверию издревле между народом принятым, и во зло употребляя всеобщую к себе доверенность, самым делом были виновниками размножения уродов человеческое племя обезображивающих» [25].

И.И. Бецкой принимал самое активное участие в организации и попечительстве инициируемых Екатериной II еще целого ряда закрытых просветительских и воспитательных учреждений сословного характера. Им был подготовлен и 5 мая 1764 г. утвержден императрицей именной указ «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре» (№ 12154) [26]. Это учреждение стало называться «Императорское воспитательное общество благородных девиц», а позже — Смольным институтом, по названию Воскресенского Новодевичьего (Смольного) женского монастыря, где оно располагалось. В Европе того времени и особенно во Франции признавалось необходимым приступить к воспитанию и образованию детей женского пола. Первая в Европе женская школа светского характера для дочерей бедных дворян была открыта во Франции еще в 1686 г. — пансионат Сен-Сир. Екатерина II, давно уже мечтавшая об устройстве подобного учебного заведения, обсуждала этот вопрос не только с И.И. Бецким, но и с ученым-энциклопедистом, статс-секретарем Г.Н. Тепловым (1711–1779), с князем Д.М. Голицыным (1721–1793), послом в Вене, и др. Результатом стало учреждение в 1764 г. Смольного института благородных девиц и в 1765 г. «Особливого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре для воспитания малолетних девушек» из мещанских семей (№ 12323) [27]. В основу этих учреждений, кроме новой идеи о женском образовании, были положены прежние убеждения И.И. Бецкого о сословности и преимуществе воспитания и образования детей в закрытых заведениях.

В том же 1764 г. 4 ноября по докладу И.И. Бецкого была дана Привилегия и «Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной Академии училищем»[1]. Назначенный ее директором, И.И. Бецкой, так же как и при организации Воспитательного дома, преследовал цель способствовать развитию в государстве людей «среднего рода». Первый прием в воспитательное училище при Академии должен был состоять из 60 мальчиков, какого бы звания они ни были, исключая одних крепостных, не имеющих от господ своих увольнения. То есть в Академию мог поступить даже крепостной, который, обучаясь

[1] Учрежденная императрицей Елизаветой Петровной в 1757 г. по инициативе И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова как художественная школа при Московском университете, она не получила развития.

здесь, становился вольным. Вольными также делались крепостные «девки и вдовы», если на них женились слушатели Академии (№ 12275) [28]. Такие же преимущества имели и поступающие в «Воспитательное училище из купеческих детей для коммерции» (Указ № 13916 от 6 декабря 1772 г.) [29]. 11 сентября 1766 г. был издан Именной, данный Сенату указ «О напечатании и обнародовании нового устава Кадетскому сухопутному корпусу» (№ 12741) [30].

Придерживаясь сословной точки зрения во взглядах на образование, господствующей в XVIII в., реформы, осуществляемые при содействии И.И. Бецкого, показывают его готовность несколько сблизить мещанских детей с дворянскими. Рассуждая о желательности воспитания и образования для крепостных людей (даже «рабам» нужно учиться), он проводил различие между «грубым и суровым воспитанием», пригодном для «самых подлых людей», и воспитанием, потребным для людей, «достойных звания свободных граждан». В своем Генеральном плане он считал желательным, чтобы «все девушки не только обучались читать и писать, но имели бы и разум, просвещенный различными знаниями, для гражданской жизни», однако через несколько строк он добавил, что «ежели бы воспитываемым в Воспитательном доме девушкам следовало быть крестьянками, не надлежало бы и упоминать об учении их» [10]. Как бы то ни было, в Воспитательном доме Бецкой признавал полезным давать образование детям обоего пола; аналогичный принцип проводился им и относительно дворянского образования, но и в этом случае он сочетал его с сословными требованиями. Об этом говорят названия «Сухопутный шляхетский кадетский корпус» и «Общество для воспитания благородных девиц», ясно указывающие на их цель. Справедливости ради, необходимо отметить, что И.И. Бецкой придал обоим учреждениям менее резкий сословный характер, чем тот, какой они могли бы получить в его время. Положительным было и то, что во всех закрытых учебных заведениях была достаточно обширная программа обучения.

Все созданные И.И. Бецким документы были не просто указами (законами) в современном понимании, это были достаточно обширные произведения, где подробно, иногда даже очень, излагались цели учреждения, его структура, функциональные обязанности персонала, инструкции по воспитанию, образованию, содержанию детей, наблюдению за здоровьем и т.п. Кроме того, в текст включалось мнение разных авторов, которые с древности посвящали свои произведения воспитанию и образованию детей [22]. Во всех подготовленных И.И. Бецким Уставах учебных заведений, созданных или опекаемых им (воспитательные дома, Смольный институт, мещанские, коммерческие училища, кадетские корпуса, училище при Академии художеств и др.), основные принципы воспитания и обучения были одинаковыми.

1. Главным средством воспитания было ограждение детей от окружающего мира, от всего порочного: «оградить детей от дурных влияний семьи и общества, предрассудков старшего поколения» [13].

2. Приоритет отдавался нравственному воспитанию, провозглашалось воспитание добрых чувств, «направление сердец и разума к добродетели». Важность личного примера.

3. Стремление на практике осуществить в единстве физическое, нравственное, умственное и трудовое воспитание детей в закрытом учреждении. При Воспитательном доме состояло четыре мануфактуры: фабрика шелковых чулок (1769), фабрика карточная (1774), мануфактура бумажных материй и мануфактура шерстяных чулок (1778). Помимо прямой цели — ремесленного воспитания призреваемых, преследовалась и другая, более общая — желание распространить в России фабричное производство.

4. Исключение телесных наказаний, которые в то время применялись во многих учебных заведениях. Против них выступали и Екатерина II, и И.И. Бецкой, последний писал, что побои вредны здоровью детей, кроме того, вселяют в них подлость мысли, лживость и другие пороки. Даже словесные выговоры детям он советовал делать «без свирепства и злобы, дабы большим страхом не повредить их остроты природной» [31].

И.И. Бецким была разработана целая воспитательная программа, нашедшая отражение в труде под названием «Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского общества», изданном в трех томах в 1789–1791 гг. Анализ текстов, составленных И.И. Бецким, дает основания предполагать, что он был движим чувством гуманности, сострадания, филантропии, а не только политическими целями, которые были присущи правительственной политике его времени.

В поле зрения Екатерины II и И.И. Бецкого были также вопросы здоровья детей, гигиены и профилактики заболеваний в организуемых учебно-воспитательных учреждениях. Соблюдение правил гигиены было обязатель-

ным требованием, зафиксированным во всех уставах заведений. К 60-м годам XVIII в. у И.И. Бецкого уже сложились взгляды на физическое воспитание детей. Система воспитания И.И. Бецкого была изложена в «Генеральном плане Имп. Воспитательного дома в Москве» (Санкт-Петербург, 1763) и в отдельной работе, которую он честно и скромно назвал «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми примечаниями о воспитании физическом детей от их рождения до отрочества» (Санкт-Петербург, 1766), предназначенной для воспитателей и родителей. Эта книга была первым трудом в России, систематически излагающим гигиену детей всех возрастов. В ней содержится много различных указаний относительно гигиены одежды, сна, пищи, воспитания и обучения, игры, наказаний, трудовой деятельности, о соблюдении чистоты, о вреде табака, о страстях и темпераменте и др. Заслуга И.И. Бецкого состоит еще и в том, что гигиенические требования имели свою специфику в зависимости от типа заведения и задач учебно-воспитательной работы в нем, а также в зависимости от возраста ребенка. Он разделял детей на следующие возрастные группы: от рождения до «отнятия от груди»; от «отнятия от груди» до 5–6 лет; от 5 до 10 лет; от 10–12 до 15–16 лет. В каждом разделе разбирались вопросы общей гигиены, гигиены одежды, вскармливания, режима, физических упражнений, воспитания чувств и нравственности [31]. Надо заметить, что он уделял внимание даже самым мельчайшим деталям. По мнению С.Е. Советова, крупного советского исследователя истории гигиены детства, именно И.И. Бецкой ввел в России термин «физическое воспитание» [32]. По указу Екатерины II эта книга была напечатана «в достаточном количестве экземпляров» и разослана во все присутственные места обеих столиц, в губернии, провинции и города.

Еще одной заслугой И.И. Бецкого в сфере охраны здоровья детей было включение во все Уставы учебных и образовательных заведений требований к организации лазаретов и введение в их штат учреждения доктора, лекаря, повивальной бабки и других лиц, осуществляющих лечение, вскармливание и уход за детьми. Были разработаны специальные инструкции для медицинского и ухаживающего персонала, которые неоднократно пересматривались и усовершенствовались. Организованные при Воспитательном доме лазареты и больницы стали первыми в России стационарными учреждениями для детей. Именно в воспитательных домах врачами проводились первые наблюдения за здоровьем детей, делались выводы о вскармливании и физическом развитии, отрабатывались организационные формы и методы оказания медицинской помощи детям.

В первую очередь, это коснулось оспопрививания. Эпидемии оспы периодически возникали в России. В XVIII в. эта опасная инфекция была одной из самых главных причин смертности, не щадила ни богатых, ни бедных. Мерой профилактики была существующая с древних времен прививка натуральной оспы, путем вариоляции (лат. *variola* — оспа) или инокуляции (лат. *inoculatio* — прививка), т.е. прививка оспы от больного человека здоровому. В XVIII в. вариоляция как метод предохранения от оспы становится общим достоянием и распространяется из Западной Европы в Россию. Одним из сдерживающих факторов введения и развития не только вариоляции, но в последующем и вакцинации, были существовавшие в российском обществе, как и в других странах, предрассудки против прививки оспы [33]. Екатерина II хорошо знала о смерти от оспы российского императора Петра II и многих коронованных особ. В любом недомогании она видела признаки оспы, а в самой оспе — угрозу. Она понимала, что эпидемии сокращали численность российского населения, препятствовали рекрутским наборам. Из ее переписки с Вольтером видно, что мысль о введении прививки оспы в России давно занимала Екатерину II. Ее указ № 11728 «Об учреждении особых домов при городах для одержимых опасными и прилипчивыми болезнями и об определении для сего докторов» последовал в год восшествия на престол (19 декабря 1762 г.). После долгих колебаний Екатерина II решила привить оспу себе. 12 октября 1768 г. совершилось историческое событие — императрице проведена инокуляция оспы, взятой с ручки шестилетнего мальчика, больного оспой. 1 ноября 1768 г. оспа была привита ее 14-летнему сыну — великому князю Павлу Петровичу. Пример императрицы способствовал распространению прививки оспы в 1770–1980-е годы, по числу привитых Россия не только сравнялась с европейскими странами, но и опередила их. Вольно-экономическое общество содействовало распространению оспопрививания среди населения [34].

И.И. Бецкой придавал оспопрививанию детей большое значение, он собирал данные о пользе прививок в различных странах. Воспитательные дома и другие учебно-воспитательные заведения (училище при Академии художеств, кадетский корпус, Смольный институт

и др.) стали основными центрами проведения оспопрививания детям. Оспенные дома для проведения прививки также были открыты в Тобольске, Иркутске, Киеве, Царском Селе, Ижоре.

Важной страницей медицинского обеспечения Воспитательного дома явилась борьба с «прилипчивыми» (инфекционными) заболеваниями. При их обнаружении дети помещались в отдельную комнату лазарета или направлялись в городские госпитали. Тяжелые испытания принесла эпидемия чумы 1771–1772 гг. Была разработана специальная инструкция по работе Воспитательного дома и обязанностям всего персонала [13].

С развитием деятельности Воспитательных домов гигантскими шагами возрастали затруднения в исполнении задачи, положенной в основание этого благотворительного учреждения. По утверждению Т.Г. Фруменковой, Московский воспитательный дом согласно Генеральному плану был замыслен как общероссийский благотворительный институт, намечалось, что он займет центральное место в системе сиротских заведений, станет образцом для воспитателей в других городах, будет собирать в своих стенах питомцев из разных местностей России [20]. Но все это было труднодостижимо. Прежде всего, несовершенна была организация приема детей. Сначала принимали детей от рождения до трех лет, позднее стали принимать не старше года. В Московский воспитательный дом стекались подкидыши не только из Москвы, но со всех концов России. Развился даже специальный промысел по доставке детей в Москву из провинции. Их приносили все больше, чему способствовала система «тайного приема». Вот цифры приноса детей в Воспитательный дом по десятилетиям: в первое десятилетие, т.е. с 1764 по 1774 гг., принесено детей в Московский воспитательный дом 9457; с 1774 по 1784 гг. — 12 537; с 1784 по 1794 гг. — 15 442 [35]. Тяжелые условия дороги, отсутствие естественного питания младенцев часто вели к гибели ребенка во время переезда или в первые дни и часы поступления. Приносимые дети были в очень плохом состоянии, больные, исхудавшие, недоношенные, многим помочь было невозможно: «Большая часть оных (детей) по нещастию уже полумертвы, когда их приносят, другие недоношены, которые по течению натуры долго живыми быть не могут. Иногда и законнорожденные дети тяжкими болезнями одержимые присылаются от бедных родителей, когда уже к выздоровлению оных надежды не имеют, якобы только желали избавиться иждивением погребения» [36]. Но и те, кто оставались в доме, попадали в неблагоприятные условия. Огромный наплыв детей затруднял работу Воспитательного дома, не приспособленного для приема такого количества детей, что сказывалось на качестве их содержания. Скученность, недостаток ухаживающего персонала и особенно кормилиц, обеспечивающих грудное вскармливание, госпитализм, заболеваемость, несовершенство медицинской помощи, вообще травма подкидывания вели к высокой смертности питомцев. Однако помочь многим детям в то время было практически невозможно из-за несовершенства медицинской помощи. Врачи плохо знали патологию детства, не было разработано искусственное вскармливание и принципы медицинского ухода за детьми, поскольку учение о детских болезнях только формировалось.

С первых лет деятельности воспитательных домов смертность в них была поразительно высокой: в 1764 г. из 523 принятых на воспитание младенцев умерли 424 (81,07%), в 1765 г. из 793 — 597 (72,76%), в 1766 г. из 742 детей — 494 (76,52%), в 1767 г. из 1089 — 1073 (98,53%), в 1768 г. из 1114 — 687 (61,67%) [16]. Высокой смертность оставалась до конца XVIII в., так, с 1770 по 1796 гг. из 22 439 призреваемых детей умерли 20 878, т.е. 93,04% [37]. Высокая смертность детей была характерна для воспитательных домов во всех странах Европы. Например, в конце XVIII в. смертность в Парижском доме для подкидышей Paris Foundling Hospital, где практиковалось искусственное вскармливание, составляла 85% из 32 000 принятых младенцев; в Дублине в 1775–1796 гг. умирало в отдельные годы до 99,6%. Смертность подкидышей в возрасте менее года в некоторых американских богадельнях составляла 97,0% [38]. Педагог и общественный деятель второй половины XIX в. И.М. Радецкий так охарактеризовал разочарования устроителей воспитательных домов: «Судьба как будто хотела насмеяться над всеми усилиями Екатерины Великой и Ивана Бецкого сделать добро; придуманный ими девиз для утешения безродных детей, красующийся на фронтоне домов: “и вы живы будете”, скоро обратился в самую злую иронию. Смертность детей в этих домах в первое же время предстала в ужасающем виде» [35].

Такая громадная смертность сильно поразила императрицу, охладила ее пыл и ограничила ее мечты насчет возможности образовать «третье сословие» из брошенных и «несчастнорожденных» детей. Благотворить человечеству

с пользой оказалось не так легко, даже при самой сильной власти и при самых широких средствах. Понимали ли Екатерина II и И.И. Бецкой, что бедные дети попали «из огня да в полымя», и, возможно, без воспитательных домов они не погибали бы в таких количествах. Через пять лет идиллия разрушилась совершенно. 10 мая 1768 г. Опекунский совет признал самой лучшей мерой для предупреждения такой смертности детей раздавать их на воспитание по деревням. И.И. Бецкой был против этой меры, но вынужден был согласиться. И если в самом Воспитательном доме смертность детей немного снижалась, то в округах воспитательных домов она значительно повысилась. Увеличилась она и среди собственных детей деревенских кормилиц от заносимых питомцами болезней.

Не удовлетворяли и результаты воспитания и обучения детей, несмотря на все усилия. И.И. Бецкой писал Совету 6 августа 1779 г.: «что, судя по присланными из дома питомцам обоего пола, видно, сколько воспитание оных было не только отдалено от предполагаемого предмета, но к стыду нашему, унизительнее и воспитания самих крестьянских детей, что наипаче приметнее в девушках большого возраста, присланных для услуг в общество благородных девиц. Ни малейшего послушания, никакой склонности к упражнениям и трудолюбию; ничего кроме невежества, неповиновения и упрямства» [22]. И далее: «Я никогда и подумать того не мог, чтоб до такой позорной крайности сие главнейшее дело в прошедшее время бывшими до сего приставниками и приставницами было пренебрежено» [22]. Он был вынужден признать, что дети не получали того воспитания, какое предполагал им дать учредитель дома; они не делались полезными гражданами, не составили третий чин в государстве.

Недовольна постановкой дела была и Екатерина II, осенью 1775 г. она посетила Воспитательный дом и испытала от увиденного довольно тяжелое чувство. Дети были неловки, непонятливы, молчаливы, угрюмы.

Одной из главнейших причин неудовлетворительной деятельности воспитательного дома, не соответствовавшей ожиданиям, надо назвать недостаток в нашем государстве в это время людей, имеющих знания и опыт работы с детьми разного возраста, «которые не только были бы в состоянии, но при том и желали бы принять на себя трудные обязанности по воспитанно детей». Воспитатели, непосредственно наблюдавшие за детьми, были иностранцами, и мало удовлетворяли требованиям работы с детьми. В письме императрице 3 мая 1775 г. И.И. Бецкой писал, что «недоволен иностранными воспитателями в доме. С тех пор, как они определены, ни один из них не проявил надежного умения, ни один не постигает цели учреждения, ни один не понимает его духа; они только заботятся о личных своих выгодах, между собою ссорятся и сплетничают друг на друга по привычке и худому их воспитанию. Они довели меня до крайности» [22].

Содержание воспитательного дома обходилось чрезвычайно дорого, и потому нужно было прибегать ко всевозможным средствам для сбора пожертвований. Суммы расходовались громадные, однако никто не знал, как и куда они расходуются и какие результаты получаются от затрат: «управление воспитательными домами, как это бывает почти во всех благотворительных заведениях, сделалось теплым местечком для начальствующих лиц, набивавших свои карманы на счет брошенных детей» [35].

Не оправдались идеальные надежды императрицы и И.И. Бецкого на создание «новой породы» людей. Эта попытка оказалась не только преждевременной, но едва ли и не излишней, как «вследствие ее эксцентричности, так и вследствие недостатка средств» [39]. По определению писателя Н.К. Маккавейского (1864–1919): «Какую «новую породу» могли создать эти педагогические теплицы, так тщательно и с такими надеждами устроенные среди дебрей русского севера? ... Могло ли это «новое порождение» выступить на борьбу с мраком невежества, с вековыми предрассудками, с нравственною грубостью, со всеми теми неприглядными явлениями, какими полна была русская жизнь и с которыми ему неизбежно приходилось столкнуться при первом же вступлении в нее? ... Увы! для этого у них не было ни сил, ни достаточных знаний, ни твердых убеждений, ни стойкой энергичной воли, ни даже здорового нравственного чувства. По своей многолетней привычке пассивно отдаваться окружающим влияниям, они едва ли способны даже были критически отнестись к той жизни, которая сразу захлестнула их своею могучею волною, и даже полное неведение зла, на которое так рассчитывал Бецкой, нисколько не гарантировало их от увлечения первым же соблазнительным примером... Так разбиваются эти красивые педагогические иллюзии. От волшебной сказки, создавшейся под влиянием заманчивых идей запада, слишком быстро пересаженных в совершенно чуждую им русскую почву, подогретых здесь горячим идеализмом русского сердца и потому получивших еще более своеобразные

конкретные формы, — даже при беглом критическом анализе ее, не остается и следа» [40].

Вообще, мнения по поводу создания воспитательных домов были весьма противоречивые. Их открытие не встретило особого сочувствия ни в высшем свете, ни среди простого народа, где было укоренено предубеждение против незаконнорожденных. Общественное мнение менялось медленно и трудно. Приведем высказывание М.Н. Соколовского, с которым вполне можно согласиться: «Как бы то ни было, учреждение воспитательных домов следует поставить в заслугу при перечислении законодательно-благотворительных мероприятий Екатерины. Правда, они не только не достигли цветущего состояния, а даже едва ли исполнили вполне удовлетворительно свои функции. Но они имели данные для возможности усовершенствоваться впоследствии; они почти разбивали то позорное наименование «незаконнорожденных», ложное предубеждение против коего дожило до наших дней; они вносили более или менее организованную помощь общественной благотворительности в среду, которая ранее того почти совершенно была лишена помощи даже частной благотворительности. Воспитательные дома являлись доказательством гуманности и государственного ума Екатерины II...» [37].

Закрытые сословные учебные заведения не могли покрыть потребность в грамотных и образованных людях. Энергично насаждая закрытые благотворительные заведения, Екатерина II не исключала возможности и других форм призрения, к этому ее вынуждала жизнь. Одной из форм открытого призрения, как уже упоминалось, была отдача детей на воспитание в крестьянские семьи. Кроме того, Екатерина II нашла способ решения проблемы за счет открытия общеобразовательных школ в городах. Начало поступательного движения к реализации этой цели было положено изданием 7 ноября 1775 г. отредактированного императрицей законодательного акта «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (№ 14392). Это был обширный многоплановый документ, имеющий важное значение, т.к., с одной стороны, он способствовал усилению государственной власти на местах, а с другой — организации общественной благотворительности. Согласно этому документу, в стране намечалась территориальная реформа — вводилась двухуровневая система административного деления на губернии и уезды. Созданная по губернской реформе 1775 г. система местного управления просуществовала вплоть до реформ 1860-х годов, а введенное ею административно-территориальное деление — вплоть до Октябрьской революции.

Кроме того, закон № 14392 предполагал реорганизацию местного управления, а именно вводились Приказы общественного призрения на уровне губернии, которые финансировались государством [41]. Это были первые в России государственные учреждения с социальными функциями, предназначенные для поддержки социально незащищенных слоев населения [42, 43]. Деятельность Приказов в том числе была направлена на охрану интересов несовершеннолетних, лишенных родительского попечения. Если раньше незаконнорожденные подкидыши закрепощались путем их закрепления за воспитателями, чьими крепостными они становились, то теперь они стали поступать до совершеннолетия в ведомство приказов общественного призрения, после чего становились вольными. За владельцами закреплялись только незаконнорожденные дети крепостных матерей.

В статье 380 закона «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» перечислялись те учреждения, которые должны были открываться на выделенные государством средства, указывалось, что «Приказу общественного призрения поручается попечение и надзирание о установлении и прочном основании», в том числе: 1) народные школы; 2) сиротские дома для призрения и воспитания сирот мужского и женского пола, оставшихся после родителей без пропитания; 3) госпитали или больницы для излечения больных и др. [41]. Примечательно, что в данном документе давались подробные указания по работе каждого вида устраиваемого заведения, организуемого и контролируемого Приказами. Екатерина как законодательница специально оговаривала источники финансирования всех этих учреждений и подробно расписывала даже мельчайшие подробности их функционирования. Это было необходимо, т.к. в России еще мало было лиц, имеющих опыт в таких делах. С введением Учреждения о губерниях более устойчивую организацию получило попечение о народном здравии и народном образовании, была упорядочена централизованная и разветвленная система благотворительных учреждений России.

Специальный раздел указа 1775 г. назывался «О народных школах». Он послужил законодательной основой для создания в России системы общеобразовательных школ. Для детей Приказы общественного призрения в городах и «многолюдных» селениях должны были открывать народные училища «для всех тех, кои

добровольно пожелают обучаться в оных», причем отмечалось, что в этом не должно было быть никакого принуждения, а учитывать волю родителей «отдавать детей в школу или оставлять их дома».

В 1777 г. Екатерина II велела открыть первые начальные училища в Санкт-Петербурге, но дело шло медленно, и к концу 1781 г. их было только 7 на 500 учащихся [44]. Разочаровавшись в изолированном воспитании и обучении детей, императрица обратила внимание на австрийскую систему образования. Для реализации ее в Россию был приглашен педагог Ф.И. Янкович де Мириево (1741–1814), с именем которого связаны многие реформы в российском образовании. В следующие годы Екатериной II были предприняты усилия для введения организационно-правового фундамента государственной общеобразовательной школы России, позволившего распространить систему образования и воспитания на большее количество детей. Это вызвало несколько нововведений. 7 сентября 1782 г. был обнародован Указ Екатерины об организации Комиссии по учреждению в России народных училищ под руководством графа П.В. Завадовского с целью: «чтоб сие полезное и необходимо нужное заведение во всей империи нашей в наилучшем порядке и совершенном единообразии учинено было» [45]. А задачами были: составление плана организации народных училищ, разработка их устава, создание учебников, подготовка учителей и открытие школ по всей стране. Комиссией был разработан «План к установлению народных училищ в Российской империи», который был изучен и утвержден Екатериной II 27 сентября 1782 г. Он предполагал открытие всесословных государственных народных училищ. Кроме того, Комиссией были составлены «Правила для учащихся народных училищ» и «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи». 5 августа 1786 г. Екатериной II был утвержден «Устав народным училищам в Российской империи», знаменовавший главный итог деятельности Комиссии [46]. «Уставом» предписывалось учредить в каждом губернском городе Российской империи четырехклассные училища, и двухклассные — в уездных городах, определялись преподаваемые предметы. Имелось указание на изъятие телесных наказаний для детей. Училища подчинялись местным органам власти, обязанностью которых было строго следить за соблюдением многочисленных предписаний. Источниками средств на содержание училищ были отчисления магистрата, штрафы с населения и пожертвования. В 1786 г. училища открылись в 25 губернских городах. К концу XVIII в. в России существовало 550 учебных заведений разного вида. Из них народных училищ насчитывалось 400. Во всех этих заведениях обучались более 60 тысяч учащихся. Для огромной страны с почти 40-миллионным населением это было ничтожно мало [47]. Для подготовки учителей школ в 1786 г. была учреждена Учительная семинария, которая проработала до 1801 г. и подготовила более 400 учителей [48]. Открытие школ и училищ сопровождалось многими проблемами, нерасторопностью властей, недостатком и неподготовленностью учителей, неприспособленностью помещений и др. Но важно, что движение по созданию системы образования в России началось.

Указ 1775 г. способствовал дальнейшему развитию института опеки, начинается разграничение опеки и попечительства, основанное на дееспособности подопечных**.** Положения Указа регулировали обязанности опекунов, порядок их назначения и отзыва и др. Опека устанавливалась до 14-летнего возраста опекаемого, с 14 лет до 21 года в силу вступало попечительство. Опекуну вменялось в обязанность иметь попечение о здравии и добронравном воспитании малолетнего (№ 14392) [41].

В годы царствования Екатерины II имело место еще одно существенное нововведение, имеющее прямое отношение к положению детей, которое также регулировалось реформами 1775 г. Создавалась целая система местных судов в каждой губернии, в том числе Сиротские и Совестные суды (Закон № 14392). Сиротский суд представлял собой городской сословный орган в России в 1775–1917 гг., который ведал опекой над имуществом купцов, мещан, ремесленников и беспоместных личных дворян. Председателем городового сиротского суда являлся городской голова, на которого возлагалась обязанность уведомлять суд о вдовах и осиротевших малолетних детях, нуждавшихся в призрении. В задачи этого суда входило попечение как об оставшихся в данном городе малолетних сиротах всякого звания и их имениях, а также о вдовах и их делах. Над малолетними сиротами или вдовами назначались опекуны, которые управляли опекаемым имуществом за 5% с его доходов. Сиротские суды осуществляли надзор за состоянием этих опек, разбирали жалобы на опекунов [41].

Совестный суд — губернский суд России в 1775–1862 гг., куда передавались и где рассматривались гражданские дела в порядке примирительной процедуры и некоторые уголовные

дела «учиненные безумными или малолетними ... поелику в оных заключается глупость, обман и невежество» [41]. Решения Совестного суда должны были основываться на следующих правилах: человеколюбие, почтение к особе ближнего как человеку, отвращение от угнетения или притеснения человечества, и для этого «Совестный суд никогда судьбы ничьей не отяготит, но вверяется оному совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных» [41].

Отношение к принятым мерам по организации Приказов общественного призрения, впрочем, как и ко всем начинаниям Екатерины II, было неоднозначным как у современников, так и последующих исследователей деяний Екатерины II.

Заключая этот обзор, необходимо сделать следующие выводы.

XVIII в. был временем, на протяжении которого создавалась отечественная система социального обеспечения. На примере преобразований Петра I и Екатерины II российское государство переходило от частной благотворительности к общественной и государственной. Составной частью этой системы было призрение детей, лишенных родительского попечения, находящихся в трудной жизненной ситуации: сирот, незаконнорожденных, нищенствующих и др. И если при Петре I были только названы болевые точки и сделаны первые шаги в этом направлении, то Екатерина II положила этому более или менее прочное основание. Все ее начинания будут развиваться в следующие периоды.

Воспринятые Екатериной II взгляды философов европейского Просвещения были ею творчески переосмыслены, она пыталась приспособить их к условиям российской действительности. Организация воспитательных домов и других учебно-воспитательных учреждений, по представлениям Екатерины II и И.И. Бецкого, были направлены на образование и воспитание «новой породы» людей — третьего сословия и формирование из них достойных и полезных государству граждан, включение их в социум. Эта попытка не была реализована, она изначально была неэффективной, прежде всего, из-за трудностей с определением так называемого третьего рода людей, и «была упразднена самой жизнью» [49]. Создаваемая при Екатерине II система государственной помощи малолетним основывалась на сословности, но включала в поле своей деятельности детей, принадлежавших к различным слоям общества.

Несмотря на многие неудачи, именно воспитательные дома способствовали постепенному изменению в российском обществе отношения к незаконнорожденным детям, осознанию идеи о ценности жизни любого ребенка независимо от происхождения, и инициировали общественные устремления к признанию обязанности государства осуществлять защиту прав несовершеннолетних, заботиться об их нравственном и физическом здоровье.

Воспитательные дома стали учреждениями, где впервые отрабатывались новые формы и методы работы с детьми в области воспитания, образования, а также оказания медицинской помощи детям. Особая заслуга воспитательных домов состоит в организации первых в России лечебных заведений для детей и родовспомогательных — для женщин. Именно в системе учебно-воспитательных учреждений формировались основы государственной заботы о здоровье женщин и детей.

Прогрессивное значение имело введение женского образования для дворянского и мещанского сословий, что обусловило перемену общественных взглядов на положение и роль женщин в обществе.

Вместе с тем созданная Екатериной II и И.И. Бецким структура закрытых учебных заведений, где дети с младенчества воспитывались в отрыве от окружающей среды и семьи, не дала удовлетворительных результатов, в том числе по признанию самих устроителей, использовавших зарубежный опыт. Реальная действительность требовала изменений в системе призрения, образования и воспитания. Это стало возможным в 1775 г., когда был издан указ Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи». Этим законодательным актом в России вводилась государственная система общественного призрения, начался процесс централизации помощи бедным, детям и другим категориям нуждающихся, базирующейся на государственной бюрократической основе, что дало основание для формирования правовой защиты, системы образования детей всех сословий и попечения о народном здравии.

Завершим обзор словами историка М.Н. Соколовского (1867–1941): «...Благотворительно-законодательная деятельность Екатерины Великой может быть по всей справедливости названа весьма замечательной, ... Екатерина II знала нищету, заботилась об ее исцелении и в этом видела одно из своих монархических обязанностей. Скажут, быть может, что многие из ее мероприятий не имели тех крупных последствий, на которые можно было рассчитывать; да, это верно; но с другой стороны верно и то, что инициатива почти всех законодательно бла-

готворительных мероприятий Екатерины II исходило от нее самой...» [37].

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Вклад авторов. Все авторы внесли существенный вклад в разработку концепции, проведение исследования и подготовку статьи, прочли и одобрили финальную версию перед публикацией.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Источник финансирования. Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

ADDITIONAL INFORMATION

Author contribution. Thereby, all authors made a substantial contribution to the conception of the study, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the article, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the study.

Competing interests. The authors declare that they have no competing interests.

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия; 2003.
2. Микиртичан Г.Л. Отношение к детям, их праву на жизнь и развитие в России (X — начало XVIII века). Педиатр. 2014;5(1):126–131. EDN: SFWHFH.
3. Лаппо-Данилевский А.С. И.И. Бецкой и его система воспитания: Отзыв А.С. Лаппо-Данилевского о соч. П.М. Майкова: «Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии». СПб.: тип. Императорской Академии наук; 1904.
4. Полное собрание законов Российской Империи, 1649. Т. 6. № 3708. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
5. Максимов Е. Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России. В кн.: Общественное и частное призрение в России. СПб.: тип. Императорской Академии наук; 1907:1–68.
6. Термен С.Э. Призрение несчастнорожденных в России. СПб.: тип. и переплетная Ю. Мансфельд; 1912.
7. Проект нового уложения, составленный Законодательной комиссией 1754–1766 гг. Ч. 3. О состояниях подданных вообще. под ред. В.Н. Латкина, орд. проф. СПб.: тип. СПб. одиноч. тюрьмы. 1893;XII:284.
8. Максимов Е.Д. Государственное призрение в России. Трудовая помощь. СПб.; 1901;2:143.
9. Локк Дж. Мысли о воспитании. Т. 3. М.: Мысль; 1988.
10. Бецкой И.И. Генеральный план Императорскаго Воспитательнаго дома в Москве. СПб.: Сенат. тип.; 1763.
11. Екатерина II. Наказ Коммиссии о сочинении проэкта новаго уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М.: Печатан при Сенате; 1768.
12. Маккавейский Н.К. Педагогические мечты Екатерины Великой и Бецкого: Из истории воспитания в России. Киев: Типография И.И. Горбунова; 1904.
13. Бецкой И.И. Генеральное Учреждение о воспитании обоего пола юношества, конфирмованное Ея Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня: Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания в России, обоего пола благороднаго и мещанскаго юношества, с прочими в пользу общества установлениями. СПб.; 1789.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 16. № 11908. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
15. Екатерина II. О величии России: из «Особой тетради» императрицы. Екатерина II Великая; сост., подгот. текста, примеч. и коммент.: В. Яськов, А. Хорошевский. М.: Эксмо; 2012.
16. Иов А. Воспитательные дома в России. В кн.: Вестник Европы. 1890: 497–498.
17. Крафт Л.Ю. Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом. В кн.: Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб.; 1787;4:376.
18. Микиртичан Г.Л. Исследования смертности детей в России XVIII века. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013;6:42–47. EDN: RVOULL.
19. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 19. № 13909. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
20. Фруменкова Т.Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II. В кн.: Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Лики России; 2003:272–284.
21. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 19. № 13930. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
22. Майков П.М. Иван Иванович Бецкой: опыт его биографии. СПб.: Тип. Т-ва Общественная Польза; 1904.
23. Московский воспитательный дом. Генеральный план Императорского Воспитательного, для приносных детей, дома и госпиталя для бедных родильниц в Москве (1763–1767 гг.). В 3-х ч. СПб.; 1889.

24. Тарновский И.М. Исторический очерк деятельности Родовспомогательного заведения со времени его основания. СПб.: тип. С.Н. Худекова; 1893.
25. Максимович-Амбодик Н.М. Искусство повивания или Наука о бабичьем деле. СПб.: Имп. тип.; 1784–1786.
26. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 16. № 12154. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
27. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 17. № 12323. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
28. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 16. № 12275. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
29. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 19. № 13916. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
30. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 16. № 12741. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
31. Бецкой И.И. Краткое наставление выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. СПб.: печ. при Сенате; 1766.
32. Советов С.Е. Очерки по истории гигиены детства с древнейших времен до конца XVIII столетия. М.; 1960.
33. Микиртичан Г.Л. Из истории вакцинопрофилактики: оспопрививание. Российский педиатрический журнал. 2016;19(1):55–62. DOI: 10.18821/1560-9561-2016-19(1)-55-62. EDN: VOXGMX.
34. Губерт В.О. Оспа и оспопрививание. Исторический очерк до XIX столетия. СПб.: тип. П.П. Сойкина; 1896.
35. Радецкий И.М. Брошенные дети: Материалы к вопросу о подкидышах. СПб.: М.М. Ледерле и К; 1894.
36. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Долгова С.Р., Шер С.А. От Императорского Московского воспитательного дома до Научного центра здоровья детей Российской академии медицинских наук. М.: Союз педиатров России; 2008.
37. Соколовский М. Екатерина Великая, как благотворительница. Вестник благотворительности. Литературный отдел. 1902;2:17:13–39.
38. Cone T.E. Jr. Historical Review and Recent Advances in Neonatal and Perinatal Medicine Perspectives in Neonatology. Доступен по https://neonatology.net/classics/mj1980/default.html (дата обращения: 09.11.2024).
39. Красуский В.А. Краткий исторический очерк Императорского Московского воспитательного дома. М.: тип. Б.Я. Барбей; 1878.
40. Маккавейский Н.К. Педагогические мечты Екатерины Великой и Бецкого. Из истории воспитания в России. Киев: тип. И.И. Горбунова; 1904.
41. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. № 14392. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
42. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI — начало XX в.). Под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа; 2014.
43. Мирский М.Б., Егорышева И.В. и др. Приказная медицина — важный этап в истории отечественного здравоохранения. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2005;5:53–56. EDN: OJZMBN.
44. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 21. № 15121. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
45. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 21. № 15507. СПб.: типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1830–1851.
46. Устав народным училищам в Российской империи: Уложенный в царствование имп. Екатерины II: В Царском Селе 5 августа 1786 года. СПб.: тип. Брейткопфа; 1786.
47. Сахаров А.Н., Боханов А.Н., Шестаков В.А. История России с древнейших времен до наших дней. Учебник. М.: Проспект; 2011.
48. Смирнов В.И. Зарождение и развитие системы педагогического образования в России (конец XVIII — начало XX вв.). Историко-педагогический журнал. 2013:59–74. EDN: QAEIFV.
49. Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729–1796). М.: Директ-Меди; 2010.

REFERENCES

1. Pavlenko N.I. Catherine the Great. Moscow: Molodaja gvardija; 2003. (In Russian).
2. Mikirtichan G.L. Attitude towards children, their right to life and development in Russia (X-early 18th century). Pediatrician (St. Petersburg). 2014;5(1):126–131. (In Russian). EDN: SFWHFH.
3. Lappo-Danilevskij A.S. I.I. Betskoy and his education system: Review by A.S. Lappo-Danilevsky about the work of P.M. Maykova: “Ivan Ivanovich Betskoy. Biographical experience”. Saint Petersburg: tipografija Imperatorskoj Akademii nauk; 1904. (In Russian).
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 6. N 3708. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
5. Maksimov E. Essay on the historical development and current situation of public charity in Russia. In the book:

Public and private charity in Russia. Saint Petersburg: tipografija Imperatorskoj Akademii nauk; 1907:1–68. (In Russian).
6. Termen S.Je. Charity for the unfortunate born in Russia. Saint Petersburg: tipografija i perepletnaja Ju. Mansfel'd; 1912. (In Russian).
7. Draft of a new code drawn up by the Legislative Commission 1754–1766. Part 3. About the states of subjects in general. Edited by V.N. Latkina. Saint Petersburg: tipografija Sankt-Peterburgskoj odinochnoj tjur'my. 1893;XII:284. (In Russian).
8. Maksimov E.D. State charity in Russia. Labor assistance. Saint Petersburg; 1901;2:143. (In Russian).
9. Lokk Dzh. Thoughts on education. Vol. 3. Moscow: Mysl'; 1988. (In Russian).
10. Beckoj I.I. General plan of the Imperial Orphanage in Moscow. Saint Petersburg: Senatorskaja tipografija; 1763. (In Russian).
11. Ekaterina II. Order of the Commission to compose a draft of a new code, with appendices belonging to it. Moscow: Pechatan pri Senate; 1768. (In Russian).
12. Makkavejskij N.K. Pedagogical dreams of Catherine the Great and Betsky: From the history of education in Russia. Kyiv: Tipografija I.I. Gorbunova; 1904. (In Russian).
13. Beckoj I.I. General Institution on the education of both sexes of youth, confirmed by Her Imperial Majesty on March 12, 1764: A collection of institutions and regulations regarding the education in Russia of both sexes of noble and middle-class youth, with other regulations in favor of society. Saint Petersburg; 1789. (In Russian).
14. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 16. № 11908. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
15. Ekaterina II. About the greatness of Russia: from the "Special Notebook" of the Empress. Catherine II the Great; compilers, prepared text, notes and comments: V. Yaskov, A. Khoroshevsky. Moscow: Eksmo; 2012. (In Russian).
16. Iov A. Orphanages in Russia. In: Bulletin of Europe. 1890:497–498. (In Russian).
17. Kraft L.Ju. A collection of various knowledge about the laws of birth and mortality in the human race. In : A collection of essays selected from monthly books for different years. Saint Petersburg; 1787;4:376. (In Russian).
18. Mikirtichan G.L. Studies of child mortality in Russia in the 19th century. Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. 2013;6:42–47. (In Russian). EDN: RVOULL.
19. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 19. № 13909. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
20. Frumenkova T.G. Orphanages and the beginning of secular charity and public charity in Russia during the reign of Catherine II. In the book: Charity in Russia. Historical and socio-economic research. Saint Petersburg: Liki Rossii; 2003:272–284. (In Russian).
21. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 19. № 13930. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
22. Majkov P.M. Ivan Ivanovich Betskoy: the experience of his biography. Saint Petersburg: Tipografija Tovarishchestva Obshhestvennaja Pol'za; 1904. (In Russian).
23. Moscow orphanage. General plan of the Imperial Educational Center for newborn children, a home and hospital for poor mothers in labor in Moscow (1763–1767). In 3 parts. Saint Petersburg; 1889. (In Russian).
24. Tarnovskij I.M. Historical outline of the activities of the Maternity Institution since its foundation. Saint Petersburg: tipografija S.N. Hudekova; 1893. (In Russian).
25. Maksimovich-Ambodik N.M. The art of weaving or the science of womanizing. Saint Petersburg: Imperatorskaja tipografija; 1784–1786. (In Russian).
26. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 16. № 12154. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
27. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 17. № 12323. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
28. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 16. № 12275. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
29. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 19. № 13916. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
30. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 16. N 12741. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
31. Beckoj I.I. A short instruction selected from the best authors with some physical notes on the education of children from birth to youth. Saint Petersburg: pechatan pri Senate; 1766. (In Russian).
32. Sovetov S.E. Essays on the history of childhood hygiene from ancient times to the end of the 18th century. Moscow; 1960. (In Russian).
33. Mikirtichan G.L. From the history of vaccine prevention: smallpox vaccination. Rossijskij pediatricheskij zhurnal. 2016;19(1):55–62. (In Russian). DOI: 10.18821/1560-9561-2016-19(1)-55-62. EDN: VOXGMX.
34. Gubert V.O. Smallpox and smallpox vaccination. Historical sketch before the 19th century. Saint Petersburg: tipografija P.P. Sojkina; 1896. (In Russian).
35. Radeckij I.M. Abandoned children: Materials on the issue of foundlings. Saint Petersburg: M.M. Lederle i K; 1894. (In Russian).

36. Baranov A.A., Al'bickij V.Ju., Dolgova S.R., Sher S.A. From the Imperial Moscow Orphanage to the Scientific Center for Children's Health of the Russian Academy of Medical Sciences. Moscow: Sojuz pediatrov Rossii; 2008. (In Russian).
37. Sokolovskij M. Catherine the Great as a benefactor. Vestnik blagotvoritel'nosti. Literaturnyj otdel. 1902;2(17):13–39. (In Russian).
38. Cone T.E. Jr. Historical Review and Recent Advances in Neonatal and Perinatal Medicine Perspectives in Neonatology.
39. Krasuskij V.A. A brief historical sketch of the Imperial Moscow Orphanage. Moscow: tipografija B.Ja. Barbej; 1878. (In Russian).
40. Makkavejskij N.K. Pedagogical dreams of Catherine the Great and Betsky. From the history of education in Russia. Kyiv: tipografija I.I. Gorbunova; 1904. (In Russian).
41. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 20. N 14392. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
42. History of healthcare in pre-revolutionary Russia (late 16th — early 20th centuries). Edited by R.U. Khabriev. Moscow: GEOTAR-Media; 2014. (In Russian).
43. Mirskij M.B., Egorysheva I.V. and others. Order medicine is an important stage in the history of domestic healthcare. Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny. 2005;5:53–56. (In Russian). EDN: OJZMBN.
44. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 21. N 15121. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
45. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 21. N 15507. Saint Petersburg: tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1830–1851. (In Russian).
46. Charter for public schools in the Russian Empire: Laid down during the reign of Empress Catherine II: In Tsarskoe Selo on August 5, 1786. Saint Petersburg: tipografija Brejtkopfa; 1786. (In Russian).
47. Saharov A.N., Bohanov A.N., Shestakov V.A. History of Russia from ancient times to the present day. Textbook. Moscow: Prospekt; 2011. (In Russian).
48. Smirnov V.I. The origin and development of the pedagogical education system in Russia (late 18th — early 20th centuries). Istoriko-pedagogicheskij zhurnal. 2013:59–74. (In Russian). EDN: QAEIFV.
49. Kljuchevskij V.O. Empress Catherine II (1729–1796). Moscow: Direkt-Medi; 2010. (In Russian).